

Владислав Зубок

Кризис, реформы и разрушение СССР

Vladislav Zubok (London School of Economics and Political Science, The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)

Crisis, reforms and destruction of the USSR

DOI: 10.31857/S086956870004489-8

Профессор Р.Г. Пихоя одним из первых в России начал исследовать истоки, причины и динамику кризиса и распада СССР. Его статья, результат многолетних архивных изысканий, приглашает к переосмыслению последнего советского десятилетия. Периодизация, предложенная автором, помогает структурировать наши знания и представления о внезапном и драматичном завершении советской эпохи. В то же время вполне естественно, что многое в статье вызывает вопросы и провоцирует дискуссию. Например, автор исходит из понятия «системного кризиса» коммунистического строя. По его мнению, кризис наступил уже в последние годы правления Л.И. Брежнева, когда фактически прекратился рост экономики, интеллигенция и партийные кадры разуверились в социалистической идее, а руководство страны стало поводом для насмешек. Итогом этого кризиса стал распад СССР на 15 суверенных государств, одним из которых стала Российская Федерация.

Встаёт вопрос о соотношении между кризисом системы и гибелью Советского Союза. Учёные и публицисты уже третье десятилетие скрещивают копья по этому вопросу. М.С. Горбачёв по сей день утверждает, что демократические и экономические реформы, которые он проводил, оказались в целом успешными и могли привести к сохранению «обновлённого Союза». Другую точку зрения высказал политолог А.С. Ципко: горбачёвская демократизация вызвала к жизни национальный вопрос и идею суверенной «великой России». Те, кто боролись за неё, и уничтожили СССР. Причём главную лепту в «распад исторического центра государства» внесли демократические круги московской интеллигенции¹. Р.Г. Пихоя по этому вопросу пишет: «Перемена политической власти не означала прекращения существования страны... Россия была основой Российской империи, Советского Союза, остаётся основой Российской Федерации». Однако не вполне ясно, о какой «России» идёт речь — о культурно-социальной идентичности, геополитическом ядре с центром в Москве или о чём-то ином.

Изучение и периодизация «системного кризиса» 1970—1980-х гг. немыслимы без учёта историографического багажа, в том числе дискуссий, которые имели место среди западных историков и политологов после распада СССР. Практически никто из исследователей не ожидал быстрого крушения Союза. А после 1991 г. среди них сложилось противоположное мнение: советская система не подлежала реформированию, любые реформы и меры сохранения единого государства были обречены на провал. При этом в ход пошли исторические обобщения, такие как «последняя империя». Здесь ярко проявился эффект ретроспективного детерминизма, уводящего от постановки исследовательских целей и задач. Этот детерминизм отражал растерянность многих исследователей, объяснял их отход от советской проблематики. Лишь немногие, среди них британский политолог А. Браун и американский историк С. Коэн, продолжали

¹ Ципко А.С. Драма российского выбора // Известия. 1991. 1 октября. С. 5.

развивать линию Горбачёва и его окружения: реформы 1986—1989 гг. успешно трансформировали СССР в страну социал-демократического типа и продолжались бы, если бы не события августа 1991 г.

Понадобилось десятилетие работы в архивах и переоценки периода перестройки, чтобы появились новые исследовательские подходы и выводы, которые шли дальше общих аксиом. Одним из первых к финансовым истокам кризиса обратился руководитель экономических реформ 1990-х гг. Е.Т. Гайдар. Он указал на непомерное, гипертрофированное бремя военных расходов, а также гигантских мобилизационных резервов. Разрушение советской финансовой системы, подорванной падением нефтяных цен, стало главной причиной общеэкономической дестабилизации, за которой последовал распад экономики и государства. Пытаясь ответить на закономерный вопрос, почему руководство страны не попыталось восстановить финансовую и экономическую стабильность, Гайдар указал на отсутствие качественной экспертизы и обратной связи, а также своеобразный популизм власти, боявшейся пойти на повышение цен и снижение доходов населения. Авторитарный характер системы помешал отреагировать на проблемы адекватно, что привело к «закономерному краху сложившегося политического режима и советской империи»². Работа Гайдара создала новое пространство для спора о структурных и субъективных факторах, определивших пределы реформирования советской системы.

Западные политологи и экономисты М. Раш, М. Элман и В. Конторович поставили вопрос ещё острее, написав о неудаче позднесоветского реформаторства. Они пришли к выводу, что на момент прихода Горбачёва к власти экономическая система оставалась довольно стабильной. Эту стабильность подорвали те самые реформы, которые должны были стимулировать экономический рост. По мнению учёных, авторитарная система вовсе не была обречена и неспособна к модернизации. Напротив, она могла обеспечить её при определённых условиях — с опорой на силовые методы³. Примером тому в других странах является экономическая политика режима А. Пиночета в Чили и Дэн Сяопина в Китае.

К интересным выводам пришел американский политолог, исследователь политики либерализации и роли национальных движений в позднем СССР М. Бейсингер. Он заключил, что сами по себе эти движения (в Прибалтике, на Южном Кавказе) носили периферийный характер и не могли сломать политическую систему и государственность. Более важным фактором оказалось отсутствие у Горбачёва воли к применению силы против сепаратистов, что позволило «приливу» национализма подниматься всё выше, вдохновив движение за автономию и сепаратизм внутри РСФСР. Именно двоевластие между Россией и союзным центром в конечном счёте породило в элитах и населении представление о «неизбежности» краха Союза⁴. К сходному выводу пришёл историк М. Крамер: восстание национальных окраин против советской системы вовсе не должно было закончиться гибелью союзных структур. Осторожный консер-

² Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 244—245.

³ Отличный обзор ранних западных дискуссий см.: *Lieven D. Western Scholarship on the Rise and Fall of the Soviet Regime: the View from 1993 // Journal of Contemporary History. Vol. 29 (1994). P. 195—227. Обсуждение тезиса о разрушении советской экономики см.: The Strange Death of Soviet Communism. An Autopsy // The National Interest. 1993. № 31; The Destruction of the Soviet Economic System. An Insiders' History // Ed. by M. Ellman and V. Kontorovich. Armonk (N.Y.), 1998.*

⁴ Подробнее см.: *Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of Soviet State. Princeton (N.J.), 2002.*

ватизм вместо радикальных, хаотических и непродуманных системных реформ помог бы сохранить и систему, и государство. Любой консервативный член Политбюро стал бы лучшим выбором с точки зрения сохранения СССР, чем Горбачёв⁵.

В этих и других эмпирических исследованиях всё больше разводятся два вопроса: о структурном экономическом кризисе и о гибели СССР как единого государства. Также всё большее внимание уделяется фактору политического руководства и политической воли, а также детальному анализу тех экономических и политических реформ, которые способствовали возникновению кризиса и, в конце концов, сделали его необратимым.

Мне бы хотелось в целях дискуссии развить историографические и некоторые собственные заключения применительно к предложенной периодизации. При этом мне кажется особенно важным сместить акцент с априорного тезиса о системном кризисе советской системы на другой тезис — о роли осуществлённых в это время реформ и их разрушительной динамике.

На мой взгляд, внутри «системного кризиса СССР» можно обнаружить три различных явления, которые исторически вытекали одно из другого. Первым было осознание к исходу 1970-х — началу 1980-х гг. узкой группой государственных деятелей, экономистов и финансовых экспертов того, что командная модель экономики исчерпала свой потенциал роста, и что для сохранения СССР как великой державы нужны серьёзные реформы. Это осознание совпадает с первым этапом в предложенной периодизации. Из него вытекает второе явление — позднесоветское реформаторство, которое ставило задачей апробировать в рамках сохранения существующей системы новую экспериментальную экономическую модель. Именно эти реформаторские поиски породили те неожиданные деструктивные процессы, которые в рекордный срок подорвали финансовую и экономическую стабильность.

Другой важной частью реформаторства, его ценностными установками стали и сознательный отказ от авторитарных рычагов контроля над финансами и экономикой, и решительные действия по отстранению партийного аппарата от управления экономикой и децентрализации экономической жизни. Это явление совпадает со вторым, третьим и четвёртым этапами периодизации. Наконец, третьим явлением стал кризис политической системы и государственности, наступивший в результате борьбы руководства страны с оппозицией и национал-сепаратизмом, прежде всего со стороны РСФСР. При этом Горбачёв сознательно отказался от системного применения силы и видел выход в децентрализации и выработке политического консенсуса с элитами союзных республик. Эта соглашательская линия, проводившаяся на фоне уже неконтролируемого общеэкономического кризиса, окончательно подорвала позиции центра и побудила политические элиты республик захватывать собственность и ресурсы распадавшегося Союза. При этом кризис власти, экономики и финансов приобрёл характер цепной реакции и принял такой размах, что даже решительное применение силы не гарантировало бы сохранения *status quo*. В целом кризис государственности совпадает по времени с пятым и последним этапом рассматриваемой исторической схемы.

Столь краткое изложение явлений и событий неминуемо вызывает много вопросов и нуждается в пространных комментариях. Затрону лишь самое

⁵ Kramer M. The Reform of the Soviet System and the Demise of the Soviet State // Slavic Review. 2004. Vol. 63. № 3. P. 505—512.

главное и в общих чертах. Более полная картина первого этапа раскрывается, прежде всего, благодаря исследованиям самого Р.Г. Пихои. Важно зафиксировать, что в начале 1980-х г. не только экономисты-теоретики с «либеральной» репутацией (А.Г. Аганбегян, Н.Я. Петраков и др.), но и консерваторы-практики из Совета министров, Госплана, Госбанка осознали исчерпанность экономической системы и необходимость возвращения к рыночным рычагам и формам хозяйствования. Так, например, одним из главных авторов проекта создания коммерческих («специализированных») банков (июнь 1986 г.) стал М.С. Зотов — человек со сталинистскими политическими взглядами. В своих воспоминаниях он писал, что выход из тупика старой модели виделся «в переходе на рыночные отношения. Это ни в коей мере не означало возвращение к буржуазному капитализму и утрате социальных завоеваний, перехода к частной собственности на всё и вся... Рынок не исключает любую форму собственности... любое их соотношение»⁶. Предложения таких консерваторов-прагматиков были не реакцией на системный кризис, а попытками адаптировать систему к меняющейся реальности.

Ключевым для нашей дискуссии является период с 1985 по 1989 г., когда Горбачёв провёл серию важных реформ. В их содержании, логике и последовательности разобраться непросто. Особенно поражает фантастический разрыв между ожиданиями и результатами. На заседаниях Политбюро и позже в воспоминаниях Горбачёв и его окружение утверждали, что предложенные ими реформы должны были привести к экономическому росту и преодолеть товарный голод. Вместо этого они спровоцировали неожиданный и стремительный развал финансов и экономики. Актуальным, в том числе и для сегодняшней России, остаётся вопрос, в чём именно состояли ошибки и просчёты руководителей СССР, а также почему они не исправили эти ошибки, но продолжали идти по пути, который явно вёл экономику к развалу, а государство — к катастрофе.

Правление Горбачёва, как известно, началось с политики ускорения. Наиболее запомнилась «антиалкогольная компания», однако эта политика была намного шире и сложнее. Она включала в себя переоснащение предприятий и создание новых производственных мощностей для интенсификации экономики. Пихоя относит политику ускорения к этапу консервативных реформ и считает, что это была последняя попытка решить проблемы экономики чисто административными методами: за счёт повышения дисциплины, борьбы с коррупцией и алкоголизмом, и, главное, больших инвестиций в «тяжёлую» промышленность. Провал «ускорения» к осени 1986 г., продолжает исследователь, побудил власть начать переход к реформам радикального типа, с упором на автономию государственных предприятий, регионов, и республик, а также на «хозрасчёт» — самокупаемость и самофинансирование. Уже в 1987—1988 гг., как констатирует автор на основании архивных документов, произошёл фактический отказ от монополии государства на собственность и планово-распределительной экономики. Эти радикальные структурные реформы автор относит к новому, четвёртому этапу своей периодизации. Видимо, желая ещё более подчеркнуть разницу между этапами, историк начинает описание четвёртого этапа с введения в СССР альтернативных политических выборов.

Подобная схема, при всей её логичности, грозит вернуть нас на старую дорогу аксиоматических рассуждений об изначальной обречённости системы.

⁶ Зотов М.С. Я — банкир. От Сталина до Путина. М., 2004. С. 302.

Также неясно, почему реформаторы так быстро (когда результаты политики ускорения ещё даже не успели сказаться) решили, что вся система нуждается в радикальном структурном ремонте. И главное, почему начали они этот ремонт настолько неумело, что система рухнула чуть ли не за два года. Словом, причинно-следственные связи и мотивы архитекторов реформ остаются неясными и запутанными.

Быть может более продуктивно было бы взглянуть на время от начала 1980-х гг. до 1989 г. как на единый, противоречивый и, в конечном счёте, провальный процесс реформаторских поисков. В его рамках и политика ускорения, и последовавшая за ней структурная перестройка не отрицали друг друга, а являлись взаимосвязанными направлениями поисков. Горбачёв, глава правительства Н.И. Рыжков и ряд других членов руководства страны, а также многие экономисты и хозяйственники помнили реформы 1950-х и 1960-х гг. Дискуссии тех лет и неудачи тех реформ наложили большой отпечаток на всё поколение политиков, аппаратчиков и экономистов. Многие из них исходили из того, что в будущем должна сложиться «смешанная» модель экономики: с государственными монополиями, но при этом с элементами рынка. Неясно было только, как перейти к этой модели. Горбачёв выразил эту дилемму так: «Мы вынуждены действовать сверху, пока не включился механизм экономического управления»⁷.

Этот механизм, однако, так и не включился — и виной тому стали ошибочные подходы к его формированию. В силу исторического опыта и идеологической оптики своего поколения горбачёвское руководство видело будущую экономическую систему как антитезу сталинскому централизму. Выход из «тупика командно-административной системы» виделся в рыночной автономии для трудовых коллективов предприятий, а также отдельных отраслей промышленности, областей и республик. При этом руководство СССР сознательно отказалось пойти по китайскому пути, который предполагал адаптацию экономики к мировому рынку под жёстким партийным контролем и при силовой регулировке возникающих проблем. Горбачёву, Рыжкову и их экономическим советникам казалось, что китайский путь годится для аграрной страны с нищим населением, но неприемлем для СССР с его развитой промышленностью и всеобъемлющими социальными программами⁸. В 1986—1988 гг. руководство СССР последовало по двум направлениям, которые мыслились взаимодополняющими. В рамках «ускорения» из государственного бюджета выделялись громадные инвестиции на переоборудование промышленности и строительство новых мощностей, что через несколько лет должно было привести к экономическому росту. Между тем все основные акторы экономики, от министерств до трудовых коллективов предприятий, получали невиданные доселе автономии, материальные возможности и права. Предполагалось, что это немедленно стимулирует рост производительности труда, увеличит эффективность существующего производства и позволит дать людям немедленное ощутимое улучшение жизни.

Исследования Пихои показывают, что именно этот курс на децентрализацию, автономию и внедрение рыночных механизмов вскоре привел к утрате контроля власти над развязанными ею процессами. Автономия госпредприя-

⁷ В Политбюро ЦК КПСС // Правда. 1986. 30 октября.

⁸ Об этом см.: *Zubok V. The Soviet Union and China in the 1980s. Reconciliation and Divorce // Cold War History. 2017. Vol. 17. Issue 2. P. 121—141.*

тий, акционирование промышленных монополий в рамках министерств, создание при этих монополиях «кооперативов» (фирм малого бизнеса) и возникновение коммерческих банков — всё это создало идеальные условия для стремительного перекачивания доходов из государственного бюджета в карманы хозяйственных элит, кооператоров, быстро растущих банковских структур. Знаком советской экономики М.С. Бернштам сформулировал итоги горбачёвских экономических реформ так: доходы госпредприятий были, по сути, отданы трудовым коллективам (а на деле — директорам), что быстро лишило власть бюджетных поступлений, а значит средств для инвестиций, возможности перераспределения ресурсов между республиками и других императивов, на которых строилась советская экономическая диктатура. Вместо необходимой рыночной либерализации получилась ошибочная децентрализация. Даже кооперативы, которые в рамках другой системы могли бы начать производство товаров для рынка, были скрещены с госпредприятиями, что дало идеальный простор для хищений и спекуляции государственным сырьём и ресурсами⁹. Накопленные за десятилетия колоссальные мобилизационные фонды начали легально и полулегально продаваться за бесценок на мировых рынках. Доходы оседали в оффшорных зонах. Внутри СССР вместо улучшения ситуации на потребительском рынке происходило быстрое вымывание товаров массового потребления. В результате рост наличных денег у населения породил ухудшение условий жизни, инфляцию, всеобщий дефицит самого необходимого, недовольство и озлобление людей.

Хозяйственная «катастрофка» усугубилась тем, что политическое руководство не решилось на проведение реформы цен — тем самым позволив новым бизнес-цепочкам получать всю маржу между фиксированными низкими ценами госзакупок и высокими ценами на «чёрном рынке» и за рубежом. Кроме того, до конца 1990 г. правительство сохраняло низкий фиксированный налог на доходы госпредприятий, кооперативов, акционерных обществ и тех, кто извлекал прибыль от владения государственной (и общенародной) собственностью. Предложения ввести 50-процентный налог на прибыль отклонялись под предлогом того, что это «задушит» реформы¹⁰. В феврале 1989 г. глава правительства Н.И. Рыжков подвёл на Политбюро итог провальной трёхлетке: «Превышение расходов над доходами... составило 133 млрд. Потери из-за падения цен на нефть — 40 млрд, от сокращения продажи водки — 34 млрд... В 1988 году эмиссия достигла 11 млрд — больше, чем в любой другой год после войны». При этом он не признался, что причиной потери почти половины доходов было присвоение государственных средств и ресурсов госпредприятиями, акционерными обществами и коммерческими структурами¹¹.

Почему же руководство СССР не исправляло грубые структурные ошибки первоначального этапа реформ, а лишь констатировало потери? Гайдар объясняет это его экономической и финансовой безграмотностью. Ни Рыжков, ни

⁹ Интервью, взятое автором у М.С. Бернштама. Стэнфорд, ноябрь—декабрь 2012.

¹⁰ В.Г. Пансков — в Совет министров СССР, 11 ноября 1989 г. (РГАЭ, ф. 7733, оп. 65, д. 4847, л. 35—42); В.С. Павлов (по согласованию с В.В. Герашенко), записка из Минфина в Государственную комиссию Совета министров СССР по экономической реформе, 2 ноября 1989 г. (ГА РФ, ф. 5446, оп. 150, д. 64, л. 53—61). Благодарю М.С. Бернштама, который обратил моё внимание на эти документы.

¹¹ Н.И. Рыжков. О мерах по финансовому оздоровлению экономики и об укреплении денежного обращения, Политбюро, 16 февраля 1989 г. // В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985—1991). М., 2006. С. 445.

Горбачёв не желали понять и признать, что позволяя трудовым коллективам получать незаработанные доходы, они подрывают макроэкономическую и политическую стабильность. Более того, были узаконены способы захвата государственных ресурсов и собственности: лицензирование экспорта нефти и других важнейших ресурсов, преобразование огромных предприятий и даже целых министерств в акционерные общества (например, Газпром). Советский лидер всё более азартно занимался внешней политикой, делегируя важнейшие функции в экономике и финансах, вроде денежной эмиссии, правительству. Для финансов это имело особенно печальные последствия. Со сталинских времен глава страны осуществлял жёсткий контроль над эмиссией. В новой ситуации неуправляемой децентрализации контроль над финансами оказался ослаблен, а впоследствии утерян. Госпредприятия и акционерные общества брали кредиты у коммерческих банков и через них же обналачивали свои доходы — за счёт всё новых, миллиардных эмиссий Госбанка. Неудивительно, что быстро возникли силы, заинтересованные в сохранении столь выгодной практики¹².

Другим важнейшим фактором, который сделал невозможным исправление ошибочных реформ, стал политический выбор Горбачёва. В конце 1988 г. генсек взял курс на отстранение партийной номенклатуры от управления экономикой и начал проведение радикальных политических реформ. Почему он это сделал? Описывая его действия, Пихоя не скрывает удивления: «Поражает горбачёвское недоверие к аппарату, к номенклатуре... Он разрушил номенклатуру», т.е. тот властный слой, «который, казалось, был обречён поддерживать его». И далее: «Поражает политическая наивность М.С. Горбачёва». В самом деле, как опытный аппаратчик и политик мог рассчитывать справиться с острыми экономическими проблемами, народным недовольством и поднимающимся национальным сепаратизмом без помощи аппарата? И почему Горбачёв, обязанный партийной монополии на власть своей карьерой, вдруг решил, что проблемы в стране нужно решать не силой сверху, а с помощью демократизации и гласности?¹³ Дэн Сяопин, который весной—летом 1989 г. столкнулся с кризисом власти и преодолел его с помощью армии и номенклатуры, называл Горбачёва «идиотом». Китайский лидер считал, что тот своими руками уничтожил те единственные рычаги, с помощью которых мог бы проводить и корректировать необходимые реформы, в том числе и сложные рыночные.

Реформаторский выбор Горбачёва подкреплялся его внешнеполитическими приоритетами. Кардинальной частью перестройки с 1987 г. стал курс не просто на «разрядку» отношений с Западом, но на конвергенцию социализма и капитализма, на интеграцию реформируемого СССР в западную экономику и систему ценностей. Важным последствием этого курса было быстрое и мирное окончание холодной войны. Некоторые западные исследователи считают, что прозападный курс лишил советское руководство возможности принимать силовые решения. Во всяком случае, переговоры с западными державами, которые велись в общеевропейском и мировом правовом поле, усилили выбор в пользу «демократической альтернативы», против авторитарного реформатор-

¹² Более подробно о разрушении советской финансовой системы, приватизации государственных резервов и ресурсов, захвате государственной собственности и возникновении новых коммерческих группировок см.: *Woodruff D. Money Unmade. Barter and the fate of Russian capitalism. Ithaca (N.Y.), 1999; Johnson J. A Fistful of Rubles: The Rise and Fall of the Russian Banking System. Ithaca (N.Y.), 2000; Barnes A. Owning Russia. The Struggle over Factories, Farms, and Power. Ithaca (N.Y.), 2006.*

¹³ *Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998. С. 544, 619.*

ства. Как вспоминал историк Р.А. Медведев, Горбачёв только укрепился в этом выборе, когда в мае 1989 г. наблюдал массовые студенческие митинги из окон советского посольства в Пекине. Он заметил: «Некоторые из вас предлагали пойти по китайскому пути. Мы видели сегодня, куда ведёт этот путь. Я не хочу, чтобы Красная площадь стала похожа на площадь Тяньаньмэн»¹⁴. Как показали августовские события 1991 г., жёсткий авторитаризм утратил поддержку даже в центральных ведомствах СССР: руководители КГБ и армии, а также правительства и ВПК не были готовы пойти на кровопролитие, боялись разрыва с западными державами и утраты возможности брать у них очередные займы.

В заключение несколько слов о пятом этапе периодизации. В отличие от автора я считаю, что и системный кризис, и развал советской государственности происходили одновременно — примерно с середины 1989 г. Именно в это время началось падение промышленного производства, принявшее обвальный характер в 1990—1991 гг. Общесоюзная система торговли стала разваливаться, ей на смену пришли хаотические коммерческие связи через бартер и протекционизм по республикам и отраслям. Население, как справедливо пишет Пихоя, выступило против кооперативов и новых коммерсантов, но всё же считало главным виновником кризиса партаппарат, коммунистический режим и лично Горбачёва. Главный архитектор перестройки пожинал горькие плоды провала своих реформ. В марте 1990 г. он уже с большим трудом набрал необходимое большинство голосов при выборах на пост президента на Съезде народных депутатов. Его рейтинг стремительно падал. Провинциальная и республиканская партийная номенклатура не имела политической воли избавиться от него, но считала его слабым лидером: хаотичным прожектёром и болтуном. Расчёт Горбачёва на то, что его курс поддержит демократически настроенная интеллигенция, тоже оказался ошибочным. Разбуженные гласностью к политической жизни массы деятелей образования, культуры и науки, а также работники военно-промышленного комплекса стремительно радикализировались; ими овладела идея антитоталитарной революции и немедленного введения рынка.

Весной 1990 г. аппаратно-консервативная и интеллигентско-радикальная оппозиция парадоксально соединились в русле движения за «великую Россию». Демократическая оппозиция, добившись крупных успехов на мартовских выборах, выдвинула главных идеологов «российского суверенитета», которые успешно перехватили традиционную русскую государственную символику у политически бессильных националистов. Провозглашение «суверенитета России» 12 июня 1990 г., поддержанное радикальной интеллигенцией, провинциальными аппаратчиками, промышленными кругами и значительной частью населения, стало толчком к «параду суверенитетов» остальных республик (Прибалтика, Молдавия и Грузия уже давно встали на путь сепаратизма). Российское правительство начало «войну законов» с правительством союзным, пытаясь установить контроль над ресурсами, промышленностью и бюджетом на территории РСФСР. Эта война усугубила хаос в советской экономике и окончательно похоронила возможность восстановления финансовой дисциплины в стране. В народе и даже среди интеллигенции мало кто понимал, что борьба «России с центром» фактически означала конец единой советской государственности. Большинство сфокусировалось на борьбе между Горбачёвым и лидером российского парламента Б.Н. Ельциным. Народные симпатии

¹⁴ *Медведев Р.А.* Визит М.С. Горбачёва в Пекин в 1989 году // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 93—101.

целиком принадлежали последнему, но общественное мнение склонялось к тому, что для преодоления экономического кризиса возможен и необходим союз между этими двум политиками.

К исходу 1990 г. в Москве, всё ещё столице союзного государства, царило ощущение безвластия и, как следствие, росли страхи перед гражданской войной и диктатурой. Горбачёв уже не контролировал экономику и финансы, но ещё мог с помощью КГБ и армии ввести чрезвычайное положение, распустить оппозицию и ликвидировать фактическое двоевластие с республиками. Американские аналитики боялись, что лидеры силовых структур могли отстранить его от власти и ценой крови восстановить диктатуру над политической и экономической жизнью. Но оказалось, что силовики не были готовы на такие действия, сам же Горбачёв категорически противился введению диктатуры. Вместо этого он решил через голову союзной номенклатуры и силовых министров заключить союз с Ельциным и республиками.

Этот политический выбор, по мнению Горбачёва, являлся последним шансом сохранить СССР как конфедерацию суверенных республик. Но этот же выбор сделал его зависимым от действий и позиции Ельцина и демократической оппозиции. Как показали действия российского лидера и его окружения после августа 1991 г., двоевластие в Москве могло разрешиться только путём полного захвата властных структур российским руководством. Политические элиты и сепаратистские движения в других республиках, прежде всего на Украине, восприняли эти события как сигнал к полной независимости — к немалому удивлению Ельцина и большинства российских демократов. В сентябре 1991 г. Горбачёв, всё ещё пытаясь побудить республики к сотрудничеству, предложил ликвидировать Съезд народных депутатов СССР — главный конституционный гарант единого государства — и передать власть временному совету глав суверенных государств. Он доказывал, что совместно будет легче, чем по отдельности, справиться с экономическими проблемами и геополитическими вызовами.

Действительно, раскол единого пространства обрекал все республики, включая Россию, на разрушение производственных связей, сокрушительное падение производства и колоссальные потери доходов. Но, с другой стороны, галопирующий общеэкономический кризис уже был реальностью, а безвластие порождало хозяйственный беспредел. Государственные чиновники по благу выдавали лицензии на экспорт нефти, что приносило их обладателям миллиардные прибыли. Предприятия и фирмы уклонялись от налогов — как в рублях, так и в валюте, заработанной на экспортных операциях. В результате советские и республиканские банки не могли кредитовать предприятия и оплачивать экспорт. В этой ситуации вице-премьер Гайдар и госсекретарь при Президенте РФ Г.Э. Бурбулис пришли к заключению, что выбраться из пике кризиса возможно только в рамках суверенной России, а не аморфного Союза суверенных государств, к которому призывал Горбачёв. В записке Ельцину¹⁵ они писали: «Сейчас в стране есть только один политик — президент России, авторитет (харизма) которого пока достаточен для проведения стабилизационной политики». Развал «тоталитарной империи», убеждали они, необратим. Россия должна стать «настоящим государством», в противном случае она мо-

¹⁵ Эта записка, известная как «Меморандум Бурбулиса», никогда не публиковалась полностью. Цитаты взяты из: Мороз О.П. «Стратегия России в переходный период» Гайдара и «Приватизация» Чубайса // Relga. Научно-культурологический журнал. № 11. 2017. 30 сентября. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5130&level1=main&level2=articlesr>.

жет развалиться, подобно Союзу. Всё, что остаётся России, это спасти себя и свою экономику. Также они предлагали объявить РФ преемницей СССР — это значило принять на себя советские долги, но также унаследовать ядерный арсенал и статус великой державы

После некоторых колебаний Ельцин принял их предложение. 28 октября он встал во главе «правительства реформ» и объявил, что Россия пойдёт к рынку одна, без союза с другими республиками. В ноябре российские власти взяли под свой контроль все союзные министерства и структуры, включая Госбанк и денежную эмиссию. Ведущие украинские политики к этому времени уже встали на путь безоговорочного выхода из Союза, что увенчали прошедшие в республике 1 декабря референдум и президентские выборы. Позиции РФ и Украины сделали возможным политическое и юридическое оформление смерти СССР. Обнародованная 8 декабря в Беловежской пуще декларация лидеров России, Украины и Белоруссии о прекращении существования СССР «как геополитической реальности и субъекта международного права» подвела черту под странной историей самоликвидации великой державы.

Александр Шубин

Основные проблемы и этапы истории перестройки

Aleksandr Shubin (Russian State University for the Humanities; Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The main problems and stages of the history of «perestroika»

DOI: 10.31857/S086956870004490-0

Очерк Р.Г. Пихои о периодизации истории «системного кризиса Советского Союза» очень интересен для нас, специалистов по тематике перестройки. Статья сочетает концептуальность и детализацию. Рассуждая об отдельных событиях, автор приводит интересные архивные ссылки. Есть с чем согласиться, есть и с чем поспорить. Краткий объём, предоставленный для комментирования, позволяет ограничиться лишь общими тезисами и замечаниями¹. Этот очерк посвящён прежде всего концептуальным вопросам истории перестройки как периода истории нашей страны.

Различение явлений. Р.Г. Пихоя начинает историю «системного кризиса» с предыстории — второй половины 1970-х гг. Под «системным кризисом» он понимает такой кризис, который ведет к гибели системы. Если считать «системой» СССР как государство, то такое понимание телеологично и фаталистично. Получается, что СССР был обречён уже в конце 1970-х гг. Но автор формулирует своё понимание термина более развернуто, что делает его позицию не столь категоричной: «Под системой я понимаю Советский Союз как идеологически организованную форму государственной власти в России с присущими ей политическими, экономическими и социальными особенностями». Таким образом, речь идёт не о разрушении СССР как государства, а о существенном изменении его социально-политической и социально-экономической структур,

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Истоки Перестройки (1978—1984). М., 1997; Шубин А.В. Парадоксы Перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005; Шубин А.В. Преданная демократия. Неформалы и Перестройка (1986—1989). М., 2006; Шубин А.В. Распад СССР: объективные и субъективные факторы // Распад СССР. М., 2006; Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975—1985 гг. М., 2007.